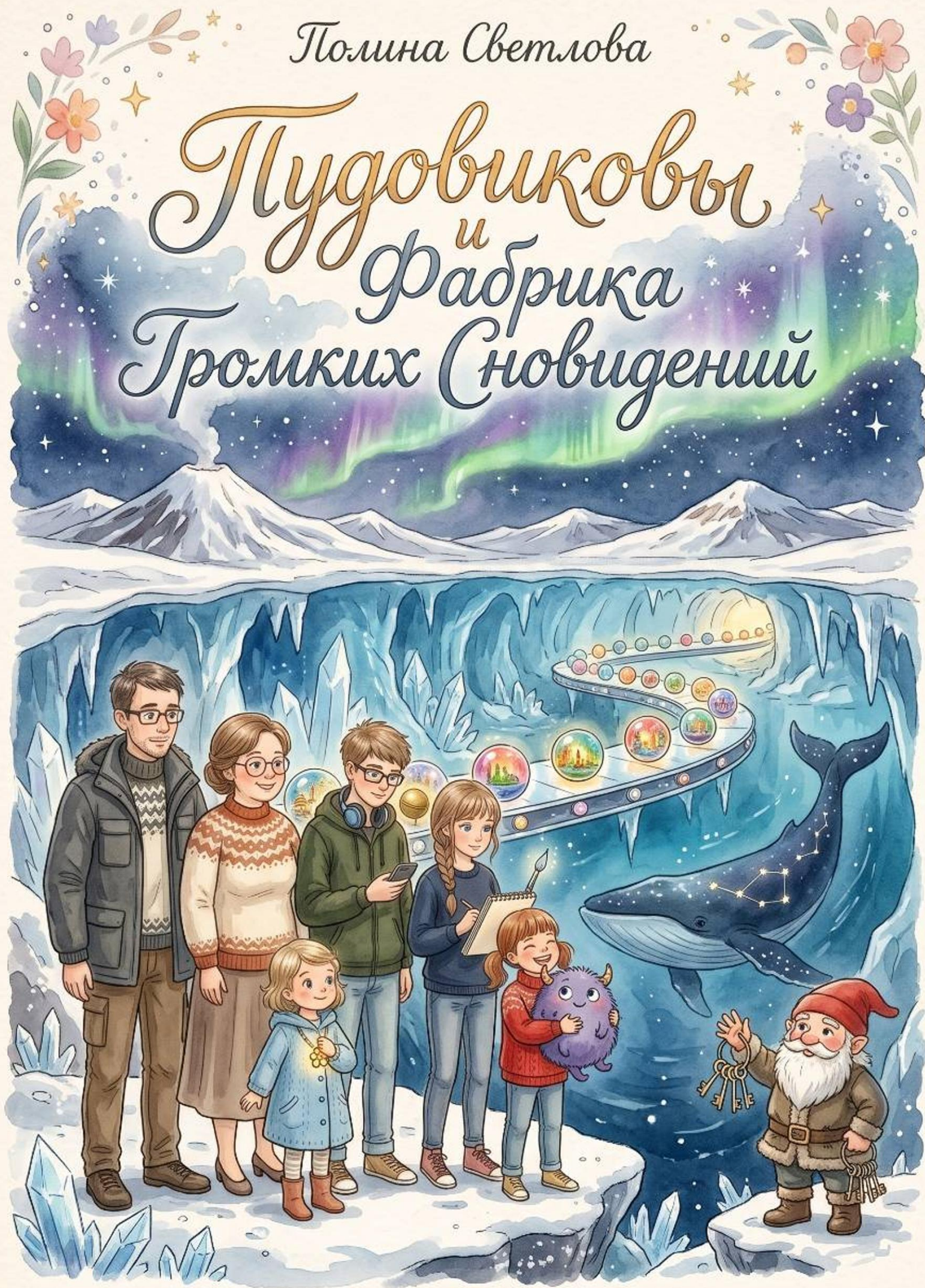

Полина Светлова

Пудовиковы и фабрика Тролких Сновидений

Полина Светлова

**Пудовиковы и фабрика
громких сновидений**

«Автор»

2026

Светлова П.

Пудовиковы и фабрика громких сновидений / П. Светлова —
«Автор», 2026

****Аннотация**** Семья Пудовиковых летит в Исландию смотреть гейзеры — а попадает в подземную Фабрику Громких Сновидений, где из смеха, шорохов и музыки собирают сны для всего человечества. Беда: главный конвейер встал, сны перепутались, архивному коту Барнаби приходится сниться случайным людям, а Великий Кит-Хранитель не может уснуть. Пока мама сортирует сны, папа собирает усилитель фантазии из потерянных во сне мелочей, Настя дописывает недоделанные сюжеты, а Люба сажает на диету обожравшихся Пожирателей Кошмаров, младшая Маруся слушает темноту под полом — и готовит колыбельную для того, кто держит на себе всю фабрику. Тёплая сказка о том, что самое важное — сны, заботу и чудеса — нельзя произвести на конвейере. Можно только подарить.

© Светлова П., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Исландия, гейзеры и жалоба кота	6
Глава 2. Разлом	8
Глава 3. Фабрика Громких Сновидений	10
Глава 4. Конвейер, который работал не на электричестве	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Полина Светлова
Пудовиковы и фабрика
громких сновидений

Пудовиковы и Фабрика Громких Сновидений

Глава 1. Исландия, гейзеры и жалоба кота

В Исландию семья летела смотреть гейзеры.

Это была Мишина мечта: он два года копил карманные деньги, читал про геотермальные поля, выучил наизусть расписание извержений Строккура и мог с закрытыми глазами рассказать, чем гейзер отличается от обычного горячего источника. Валя сказала: «Значит, едем», Максим проверил прогноз погоды, поёжился и добавил в багаж четыре свитера, а Магический Совет, узнав о планах семьи, прислал короткую телеграмму: «ОДОБРЯЕМ. ИСЛАНДИЯ. ТАМ ИНТЕРЕСНО. ОЧЕНЬ. ОСОБЕННО ВНИЗУ. КОТ».

— Что значит «особенно внизу»? — поинтересовался Максим у телеграммы.

Телеграмма не ответила. Телеграммы от котов вообще редко отвечают на вопросы — они предпочитают их задавать.

Вторая телеграмма пришла уже в Рейкьявике, вечером, когда семья заселялась в гостиницу у старого порта. Её принёс тот же мокрый голубь, только теперь на его лапке болталась не открытка, а настоящий тубус с сургучной печатью.

«Дорогие мои стихийные бедствия! — писал Барнаби своим фирменным почерком, чернилами цвета винного жилета. — Пишу вам как лицо крайне возмущённое. Последние три ночи я не могу нормально спать. Едва задремлю — меня куда-то несёт. Выяснилось: я СНЮСЬ. Сразу троем незнакомым людям в разных концах света! Одному бухгалтеру из Роттердама снится, будто я проверяю его квартальный отчёт. Какой отчёт, сударыня?! Я кот! Вторая — школьница из Осаки — видит меня во сне директором школы, и я, представьте, мяукаю на

линейке. Третий — пожилой джентльмен из Бостона — снится мне сам, мы с ним во сне играем в шахматы, и он жульничает!

Прошу разобраться. Это хулиганство, это нарушение приватности, это, в конце концов, непрофессионально: сны перепутаны, как носки после большой стирки.

P.S. Фамилию вашу в гостиничной книге Рейкьявика видел — горжусь. Пишут, между прочим, правильно: Пудовико'вы, ударение там, где надо. Цени'те.

Кланяюсь. Кот Барнаби, и.о. управляющего, старший консьерж, хранитель печатей, а также, как выяснилось, бухгалтер, директор школы и шахматист поневоле».

— Перепутаны, как носки после большой стирки, — задумчиво повторил Миша. — Мам, пап. Сны — это же система доставки. Если доставка путает адреса, значит, где-то сломался сортировочный центр.

— Значит, найдём сортировочный центр, — пожала плечами Валя, убирая телеграмму в сумку. — Утром едем смотреть гейзеры. По дороге и посмотрим.

Она говорила это спокойно, потому что за два года научилась главному: если в их семью приходит проблема — проблема обычно сама находит дорогу покороче. Оставалось лишь не мешать ей прийти и встретить как следует.

Маруся в этот вечер долго не спала. Она лежала, обняв подушку, и слушала.

— Мам, — позвала она из темноты. — Тут под полом кто-то ворочается. Огромный. И вздыхает.

— Кто, солнышко?

— Не знаю. Он такой большой, что весь не помещается. Помещаются только вздохи. И ему, мам... — девочка помолчала, подбирая слово, — ему очень хочется спать. А ему не дают.

Глава 2. Разлом

Долина гейзеров Хаукадалур встретила их паром, ветром и запахом серы.

Строккур извергался каждые шесть минут — честно, как швейцарские часы: синяя вода вздувалась куполом, купол лопался, и в небо с рёвом взлетал двадцатиметровый столб кипятка. Туристы ахали. Миша засёк три извержения подряд и гордо объявил, что интервал стабилен с точностью до четырёх секунд. Люба подходила к ограждению так близко, как позволяла Валя, и потом ещё полшага. Настя рисовала пар — и на её рисунке пар складывался в лица, а лица улыбались.

Маруся не смотрела на гейзер.

Она стояла у самого края поля, где тропа уходила к дальним, маленьким горячим источникам, и смотрела под ноги.

— Мам, — сказала она. — Ворочается тут. Прямо тут. И вздыхает.

Максим, как ответственный отец, немедленно осмотрел грунт: рыжая, потрескавшаяся корка, пар из трещинок, таблички «НЕ СХОДИТЬ С ТРОПЫ» на трёх языках.

— Геотермальное поле, — объяснил он. — Под нами кипяток в трещиноватых породах. Ходить можно только по дорожкам. Маруся, отойди от края.

Маруся отошла. А через десять минут, когда семья двинулась обратно к машине, разлом открылся сам.

Это было не страшно — сначала. Просто тропа впереди тихо вздохнула, рыжая корка сложилась гармошкой, и в земле открылась трещина — широкая, ровная, будто её аккуратно разрезали ножом. Из трещины не пахнуло ни серой, ни кипятком. Из неё пахнуло...

— Печеньем, — сказал Миша.

— Ёлкой, — сказала Настя.

— Мамиными духами, — сказала Люба.

— Морем, — прошептала Маруся.

Каждый услышал свой запах — тот, из которого делают самые счастливые сны. И каждый шагнул вперёд, потому что от такого запаха отступить было выше сил.

Никто из туристов на тропе ничего не заметил. Для них тропа осталась тропой, а семья — семьёй, которая просто чуть отстала, засмотревшись на источник. Так устроены разломы: они открываются только тем, кто готов.

Они не упали. Разлом принял их бережно, как принимают эстафетную палочку: пол под ногами стал мягким, стены сомкнулись тёплым тоннелем из чего-то, похожего на тёмный бархат, и семью плавно, как на лифте, понесло вниз — мимо слоёв глины, базальта и какого-то светящегося мха, мимо корней, мимо спящих камней, — всё глубже и глубже.

Спуск длился ровно столько, сколько длится хороший сон: казалось — мгновение, а вспомнишь потом — целая жизнь.

Тоннель кончился — и они вышли на галерею, опоясывающую огромный подземный зал. Зал гудел.

Глава 3. Фабрика Громких Сновидений

Внизу, под галереей, раскинулось то, что Максим позже назовёт в протоколе «крупнейшим из виденных мною производственных комплексов», а Люба — просто «BAU».

Это был цех. Настоящий заводской цех размером с футбольное поле, только вместо станков в нём стояли... сны.

Посреди цеха тянулся главный конвейер — широченная лента из перламутра, которая уходила из темноты слева и исчезала в темноте справа. Но лента не двигалась. Она стояла — и на ней, вперемишку, наваленные кучами, лежали тысячи светящихся шаров величиной с арбуз. Одни шары переливались, как мыльные пузыри; другие были тусклые и серые; третьи бились внутри конвейерных бортов, как птички.

Вокруг конвейера суетились рабочие.

Рабочие были разные: гномы в колпаках и фартуках, крошечные существа из лунного света, несколько очень серьёзных сов в очках и — что особенно поразило Мишу — дюжина прозрачных великанов, которые переносили шары-сны целыми охапками.

А над всем цехом висел звук.

Цех работал ГРОМКО. Из каждого шара на конвейере доносилось его собственное звуковое сопровождение: вот шар гремит морским прибоем, вот в другом кто-то хохочет, третий пищит скрипкой, четвёртый шепчет тысячей голосов сразу. Сны собирались из звуков — рабочие подтаскивали к конвейеру корзины с гулами, шорохами, музыкой и смехом и засыпали всё это в шары, как начинку в пироги.

— Теперь понятно, почему фабрика громких, — сказала Настя, затыкая одно ухо.

— Сны нельзя собрать тихо, — раздался у них под боком сварливый голос. — Сон, собранный шёпотом, не снится. Он только кажется. А настоящий сон должен греметь воображением!

Рядом с семьёй, пыхтя и отдуваясь, стоял гном. Настоящий, хрестоматийный: ростом Мише по пояс, седая борода лопатой, колпак набекрень, в руках — громадная связка ключей и дощечка-планшет с бронзовым зажимом. На фартуке значилось: «СНОРРИ СНОРРАСОН. БРИГАДИР. СТАЖ 900 ЛЕТ. НЕ БУДИТЬ».

— Снорри Сноррасон, бригадир ночной смены, — представился гном, не выпуская планшета. — Кто такие, откуда, по какому праву в производственной зоне без бахил?!

— Семья туристов, — спокойно сказала Валя. — Упали сверху. Бахил нет, извините. Но у нас есть письмо от кота.

— От КОТА?! — Снорри подпрыгнул так, что ключи зазвенели. — Кот?! Тот самый?! Который снится?! Госпожа, вы даже не понимаете, кого вы назвали котом! — он схватил Валью за руку и потащил за собой по галерее. — Идёмте! Немедленно! Девятьсот лет фабрика не знала аварий, а тут — НАЧАЛОСЬ!

— Что началось? — Максим догнал их, на ходу доставая блокнот.

— ВСЁ! — Снорри остановился у перил и обвёл бородой остановившийся цех. — Три недели назад главный конвейер встал. Сны перестали уходить наверх. Склад переполнился. Мы отправили их по резервным каналам — внавал, без сортировки! И теперь наверху, у людей, творится невообразимое: бухгалтер в Роттердаме видит себя драконом! Фермер под Рейкьявиком третью ночь подряд сдаёт экзамен по балету! А наш архивный кот...

— Кот не ваш, — твёрдо сказала Люба. — Кот — Барнаби. Он из Сингапура. Он самый главный.

— Пусть будет ваш Барнаби, — отмахнулся Снорри. — Суть не в этом! Из-за сбоя доставки архивному коту теперь приходится снится случайным людям по всему свету! Сны перепутались! Господин, госпожа, дети! Умоляю: вы ведь не просто туристы? Про вас в Исландии уже легенду сложили, я слышал: семья, которая чинит волшебство разводным ключом! Почините! Иначе через две ночи у нас переполнится аварийный резервуар кошмаров, и тогда... — гном перешёл на шёпот, — ...тогда людям начнут снится ОНИ. Все сразу. Нерассортированные. Представляете?!

Все представили. Даже Максим побледнел.

— Снорри Сноррасон, — сказал он, закатывая рукава. — Показывайте конвейер. И скажите мне одну вещь, бригадир: почему он встал?

Гном опустил бороду.

— В том-то и дело, господин инженер, — тихо сказал он. — Мы не знаем.

Глава 4. Конвейер, который работал не на электричестве

Конвейер, который работал не на электричестве

Осмотр главного конвейера занял у Максима сорок минут, четыре отвертки, метеоритный ключ и один очень неожиданный разговор.

Лента была цела. Приводы — целы. Подшипники — смазаны (гномы, при всей их ворчливости, смазку уважали). Электродвигателя не было вовсе — вместо него в головной части конвейера стоял хрустальный барабан с бронзовыми ободами, пустой внутри.

— Вот сердце машины, — объяснил Снорри, постучав по барабану. — Резонатор Воображения. Конвейер работает не на угле и не на электричестве, господин. Он работает на силе воображения. Резонатор собирает воображение со всей фабрики — с каждого рабочего, с каждой корзинки звуков, с каждой гайки, — усиливает и крутит ленту. Воображение кончается — лента стоит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.